Меланезийская мифология

меланезийская мифология, комплекс мифологических представлений меланезийцев — жителей архипелагов и островов Луизиана, Д — Антракосто, Адмиралтейства, Новая Британия, Новая Ирландия, Санта-Крус, Новые Гебриды, Новая Каледония, Луайоте, Фиджи, Соломоновых островов, а также отдельных районов Новой Гвинеи. Характер и уровень развития мифологических представлений и мифологического фольклора у меланезийцев определяется такими факторами, как значительная этническая и языковая дробность и сохранение (вплоть до прихода европейцев) отношений общинно-родового строя, переживавшего в различных районах разные стадии развития.

На судьбах М. м. сказались также контакты меланезийцев с соседними этносами, в первую очередь — папуасами (см. Папуасская мифология) и жителями островов Полинезии (см. в статье Полинезийская и микронезийская мифология). Значительное место в М. м. занимают мифы первотворения, которые обнаруживают весьма слабую связь с аграрными культами и ритуалами и имеют определённую тенденцию, с одной стороны, к превращению в волшебные сказки, с другой — к развитию героических мотивов. Наиболее архаичны версии мифов, в которых демиургами выступают могущественные одинокие существа — духи-змеи (или антропоморфные духи, способные перевоплощаться в змей): То Лагулагу (у гуантуна), Агуна (Сан-Кристоваль), Нденгеи (Фиджи), Вонайо (остров Расселл), Кват и Кахаусибваре (Соломоновы острова); хтоническое существо Виндоне (Новая Каледония); старуха, с которой связывают добывание огня, пресной воды и появление смерти.

Агуна — главный дух (фигона), воплощённый в громадной змее; в отличие от большинства местных фигона, представляемых в виде женщин, он мужчина. Агуна создал море, землю, животных, гром и молнию, дождь и бури.

С ним связаны ритуалы и церемонии, в том числе — приношение в его честь первых плодов и песни магического характера. Однако преобладающими в М. м., безусловно, являются мифы о первосоздателях — культурных героях, братьях-близнецах или о ряде братьев (двенадцати, пяти; последние часто идентифицируются с пятью пальцами руки): у гуантуна — То Кабинана и То Карвуу (или То Пурго), сыновья То Лагулагу; на Новых Гебридах — Тагаро с братьями или Амбат (Камбат) с четырьмя братьями; на Соломоновых островах — Варохунука и братья; на островах Банкс — двенадцать братьев во главе с Кватом, который обязан рождением матери-камню. Братья выступают как

первосоздатели — творцы всей массы вещей, явлений природы, животного и растительного мира, обитаемых островов.

Им же часто приписывают создание людей (они вырезают человеческие фигурки из дерева, лепят из земли, творят из кокосового ореха, чертят их изображения на песке и т. д.), а также всех элементов социума. Своими «первыми» действиями в разных сферах братья открывают охоту, рыбную ловлю, огородничество, становятся творцами первых орудий, домов, лодок, музыкальных инструментов, а также — первых трудовых навыков и социальных установлений (дуальной экзогамии и др.) (существует точка зрения, согласно которой сама концепция двух братьев-первосоздателей обязана мифологическому переосмыслению дуальной организации родового коллектива).

К «первым» поступкам братьев возводятся сложившиеся устои жизни и поведения людей, ритуальная практика, в том числе и такие явления, как война, людоедство, вражда, воровство и т. д. Как правило, братья-демиурги довольно последовательно противопоставляются друг другу: обычно первый (старший) брат наделён мудростью, изобретательностью, чувством достоинства, именно он создает культурные блага, обеспечивающие нормальную жизнь, в то время как второй (младший) брат, коварный, неразборчивый в средствах и глупый, портит созданное первым и сам творит вредоносные вещи.

Особо выделяются мифы о возникновении смерти, впрочем, не всегда связанные с делами культурных героев; по этим мифам, люди сначала не умирали, меняя кожу подобно змеям, но затем из-за чьего-то вмешательства они потеряли эту способность и стали смертными. Братья-первосоздатели могут выступать одновременно и как персонажи героико-мифологических сказаний, которые лишь частично связаны с «культурными» темами. Типичный пример героико-культурного сюжета — рассказ об убийстве Амбатом гигантского моллюска, о превращении его после гибели в остров и об освоении острова для нормальной жизни.

Другие героические сюжеты описывают столкновения между жителями разных островов, конфликты на почве межплеменной вражды, кровной мести, борьбы за женщин, за особо дорогие предметы (например, война из-за пояса, сделанного из раковин жемчужниц). Особенно характерна тема распрей между братьями: многие сказания повествуют о цепи столкновений одного брата, подлинного героя (здесь он может быть младшим) с остальными, которые завидуют его возможностям и успехам, стремятся погубить его, но терпят неудачу (сказания о Варохунугамванехаора и его братьях-соперниках). Большое развитие у меланезийцев получили анимистические

представления.

Духи природы — это чаще всего мифические «хозяева», существа с антропоморфными чертами, нередко способные к различным перевоплощениям (в животных, рыб, растения). У гуантуна духи (кайа) представлялись в виде огромных змей с человеческими головами; считалось, что они живут на рифах либо на берегу — в норах, в дуплах деревьев, в камнях.

С кайа связывалась разрушительная деятельность природных сил. Сходные представления о человекообразных существах, отличавшихся друг от друга какими-либо уродливыми признаками (теме), отмечены на Новых Гебридах.

Хотя некоторые духи, как считалось, были когда-то людьми, их не идентифицировали с предками. Тем не менее представления о них обнаруживают функциональные связи с культом предков: места пребывания духов связываются с родовыми сакральными местами, почитание их включается в годовичные ритуалы плодородия.

На острове Сан-Кристоваль распространены представления о фигона (хигона) — невидимых духах, обитающих в водоёмах, среди скал или на больших деревьях и способных воплощаться в змей. Наряду с фигона известны адаро (атаро) — духи моря, деревьев, берега (этим же термином определялся класс духов умерших), причиняющие людям вред, но передающие им во сне искусство танца и охраняющие семейные огороды.

К фигона и адаро обращались за поддержкой перед военным походом. У манус и у жителей острова Лау (Фиджи) известны духи-покровители, которые не имеют ничего общего с родовыми предками и не были в прошлом людьми; за ними также закреплены пещеры, камни, деревья. У меланезийцев отмечены представления о демонических существах: полулюдях-полурыбах, которые имеют обыкновение топить купающихся людей; безносых мелкорослых человечка с одним глазом во лбу, обладающих способностью проходить сквозь скалы и лес; лесных диких людей — мастерах колдовства и т. д. Хотя во многих местах Меланезии духи природы и духи умерших называются одинаково и между ними прослеживаются некоторые связи, в принципе представления о смерти, о духах умерших, о земле умерших, так же как и связанный с ними повествовательный фольклор, составляют относительно самостоятельную область.

Типичны представления об уходе духов умерших в «свою» землю, которая обычно локализуется на острове, под землёй или под водой и т. п., о пути духов, о способах переправы в землю умерших, о её устройстве и образе «жизни» в ней и т. д. Согласно представлениям жителей острова Лау (Фиджи), на пути в землю умерших духи попадают на высокую скалу, откуда зовут волну или лодку, либо перебираются туда через дерево, наклонённое над лагуной.

Вместе с тем духи умерших длительное время (или даже постоянно) пребывают вблизи от дома или в доме. У манус в роли духов — хранителей дома выступают ближайшие умершие родственники-мужчины.

Обязанность подопечного — совершить весь комплекс похоронных ритуалов и сохранять череп умершего; долг «личного» духа — охранять живого от «чужих» духов и исполнять его просьбы. При нарушении духом этого долга (особенно после смерти подопечного) череп выбрасывается в море.

Считалось, что дух умершего может войти в новорожденного, воплотиться в камень, животное, птицу, рыбу. Известны рассказы об акулах, личных духах-покровителях, которых их хозяева посылают убивать своих врагов, былички об охоте духов на людей, о нападениях на женщин; адаро, схваченный мужем и отцом убитых им женщин, вынужден дать магическое средство для оживления убитых (остров Сан-Кристоваль). Мифологические представления меланезийцев в значительной степени обуславливались концепцией мана, предполагавшей существование у людей, животных, предметов особой жизненной силы или потенции.

Считалось, что такой силой обладают предки, на этом представлении основывалась магическая практика общения с предками. В условиях разложения первобытнообщинного строя и начавшейся социальной дифференциации концепция мана стала служить возвеличению вождей, якобы получавших мана от самых могущественных предков. В представлениях о предках в ряде случаев сохраняются отчетливые следы тотемизма, проявляющиеся как в собственно мифологии, так и в живой родовой организации и генеалогии.

На островах Лау (Фиджи) отдельные родовые группы вели свое происхождение от тотемных предков — от специального вида дерева — ву («предок»), мифической курицы, белого пса, от других животных и растений. При этом такие «предки» перевоплощались

в рыб, птиц или в деревья и именно в этой форме непосредственно воздействовали на членов «своих» коллективов, помогая или вредя им.

Рассказы о встречах с инкарнированными предками должны были, в частности, разъяснять способы их умилостивления и предупреждать о том, что соответствующие виды животных (растений) нельзя убивать (срывать), есть и т. д. Прямыми потомками мифических (тотемных) предков считались родоначальники кланов.

На островах Лау члены одной группы фратрии вели свое происхождение (через 9–12 поколений) от переселенцев, которых привел с острова Вити-Леву великий воин Ндаунисаи; одновременно сохранилась и вера в общего предка (он же прародитель Ндаунисаи) – огромного змея Нденгеи, обитавшего на Вити-Леву. Предполагалось, что родоначальники кланов – великие воины, владеющие мана, и поэтому к их духам обращались за помощью.

Способность духов к инкарнации, их явление потомкам в преображенном виде, дают возможность протянуть тотемные связи в более позднее время. Фиджийские материалы позволяют полагать, что представления о предке – «духе» человека пришли на смену представлениям о предке – растении, животном, птице (миф о Тапасо – первопредке, сменившем в роли родового покровителя Мберавалаки, в образе которого не было ничего человеческого).

Частью культа предков являлся распространенный в ряде мест секретный культ, участники которого с помощью особых ритуальных операций «получали» мана от предков, выполнявших в данной ситуации роль личных покровителей и защитников. Участники ритуалов знали заклинательные песни (меке), которые были непонятны непосвященным.

Культ предков давал содержание целому ряду регулярных ритуалов и церемоний. Повсюду в Меланезии были распространены скульптурные (деревянные, местами каменные) изображения предков, вертикальные сигнальные и ритуальные барабаны с изображением лиц предков, в церемониях большое место занимали ритуальные танцы и песни. С комплексом мифологических представлений о первопредках и родовых предках – великих воинах связаны ранние формы героического песенного эпоса. ср. героический эпос фиджийцев (острова Вануа-Леву), для которого характерно слияние исторического начала с мифологическим и подчинение мотивов племенной истории мифологическим

концепциям организации социума.

Эпическое время выступает как эпоха деятельности великих вождей и мифических предков. Сами события излагаются от имени последних, как рассказы о том, что они помнят. В пространственных описаниях отражены следы космогонических мифов.

Герои — племенные военачальники владеют чудесными средствами, полученными от предков. Им противостоят антропоморфные сверхъестественные существа. На этом фоне племенная история, в конечном счёте имеющая свои реальные основания, предстает в мифологизированных формах.

Литература :

- Мелетинский Е. М., Мифологический и сказочный эпос меланезийцев, в кн.:
Океанийский этнографический сборник, М., 1957;
Сказки и мифы Океании, М., 1970;
Codrington R. N., The Melanesians, N. Y., 1972;
Kielintitschen A., Mythen und Erzählungen eines Melanesierstammes aus Papatava,
Neupommern, Südsee, Münster, 1924;
Layard J., Stone men of Malekula, v. 1, L., 1942;
Fortune R. F., Manus religion, Phil., 1935.